

**ВРЕМЯ НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ:
ОТОБРАЖЕНИЕ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПИСЬМАХ РОССИЙСКИХ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С РУМЫНСКОГО ФРОНТА
(ФЕВРАЛЬ – АПРЕЛЬ 1917 г.)**

В. В. СОЛОВЬЕВ¹⁾, В. С. ЛАВРЕНКО¹⁾

¹⁾Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара, пр. Гагарина, 72, 49010, г. Днепр, Украина

Статья посвящена исследованию особенностей восприятия фронтовиками политических процессов, проходивших в России в период Февральской революции. Авторы приходят к выводу, что положительное восприятие фронтовиками «новой власти» и проводимых ею политических преобразований быстро сменилось негативным отношением к ней, а политические реформы привели к падению дисциплины и росту антивоенных настроений.

Ключевые слова: письма фронтовиков; отчеты цензоров; военные цензоры; Румынский фронт; Февральская революция; Временное правительство.

**ЧАС НАДЗЕЙ І РАСЧАРАВАННЯЎ:
АДЛЮСТРАВАННЕ НОВАЙ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЙ
РЭЧАІСНАСЦІ Ў ЛІСТАХ РАСІЙСКИХ ВАЕННАСЛУЖАЧЫХ
З РУМЫНСКАГА ФРОНТУ
(ЛЮТЫ – КРАСАВІК 1917 г.)**

В. В. САЛАЎЁЎ^{1*}, В. С. ЛАЎРЭНКА^{1*}

^{1*}Дняпроўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Аляся Ганчара, пр. Гагарына, 72, 49010, г. Дняпро, Украіна

Даследуюцца асаблівасці ўспрымання франтавікамі палітычных працэсаў, якія адбываліся ў Расіі ў перыяд Лютаўскай рэвалюцыі. Аўтары прыходзяць да высновы, што становіцца ўспрымання франтавікамі «новай улады» і палітычных пераўтварэнняў, якія яна праводзіла, хутка змянілася адмоўным, а палітычныя рэформы прывялі да падзення дысцыпліны і росту антываенных настрояў.

Ключавыя словы: лісты франтавікоў; справаздачы цензараў; Румынскі фронт; Лютаўская рэвалюцыя; Часовы ўрад.

Образец цитирования:

Соловьев ВВ, Лавренко ВС. Время надежд и разочарований: отображение новой общественно-политической действительности в письмах российских военнослужащих с румынского фронта (февраль – апрель 1917 г.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;3:83–91.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-83-91>.

For citation:

Solovyov VV, Lavrenko VS. The time of expectations and disappointments: displaying new social and political reality in the letters by Russian soldiers from Romanian front (February – April 1917). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;3:83–91. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-83-91>.

Авторы:

Виталий Викторович Соловьев – аспирант кафедры всемирной истории, старший лаборант Центра украинско-немецких исторических исследований. Научный руководитель – доктор исторических наук Н. В. Венгер.
Валерия Сергеевна Лавренко – кандидат исторических наук; доцент кафедры всемирной истории.

Authors:

Vitaliy V. Solovyov, postgraduate student at the department of world history and senior laboratory assistant of the Center of Ukrainian-German historical researches.
vitaliislvi@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6130-4492>
Valeriya S. Lavrenko, PhD (history); associate professor at the department of world history.
valeriilavrenko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8189-1623>

THE TIME OF EXPECTATIONS AND DISAPPOINTMENTS: DISPLAYING NEW SOCIAL AND POLITICAL REALITY IN THE LETTERS BY RUSSIAN SOLDIERS FROM ROMANIAN FRONT (FEBRUARY – APRIL 1917)

V. V. SOLOVYOV^a, V. S. LAVRENKO^a

^aDnipro Oles' Gonchar National University, 72 Haharina Avenue, Dnipro 49010, Ukraine

Corresponding author: V. V. Solovyov (vitalijslvj@gmail.com)

After the USSR collapse, coming out of October Revolution shadow, the problem of the surrounding reality perception by the First World War soldiers attracts an increasing number of researchers, because it allows a deeper understanding of social and political processes' nature, which took place in the Russian Empire. And in this regard, the soldiers' letters are a unique source that allows us synchronizing events at the front with the participants' attitude towards them. The aim of our study was to reveal the peculiarities of front-line soldiers' perception of political processes taking place in Russia during February revolution. The work was carried out from the social history point of view and on the basis of microhistorical approach, which involves the study of particular phenomena occurring in the lives of definite individuals of the past, in order to identify the dominant ideas and trends of the society in general. It allowed us realizing the research goals. The «February Report» analysis distinguishes calm moods in the troops and the authors' of letters confidence in the need to continue the war. There is no doubt that the major culprit for the soldiers' disasters was the main Russian opponent – Germany. As for the soldiers' attitude to the socio-political situation change in the country, it is reflected in the report section – The army's attitude to internal political events. Its materials testify that the main part of soldiers didn't realize events, which took place at that time. However, the sprouts of revolutionary moods have already given their first shoots. The following March 1917 summary presents us a completely different picture, not like the previous month: high spirits, patriotism, belief in own actions rightness, i.e. the revolution, which took place, had a positive effect on the army's mood. One can notice confidence in a quick victory over the enemy in soldiers' letters. At the same time, the number of dramatic changes has being already recorded in the section – «The officer corps' characteristics» and they were caused by political reforms introduced into the military environment by a new government. The April 1917 summary gives us an opportunity to get acquainted with the soldiers' perception of reality surrounding them during a period of some emotional sobering, when initial revolutionary passions were somehow declined. And although there still was a large number of letters testifying the soldiers' conscious awareness of their duty to a motherland, as it could be seen from the Report, the anti-war sentiments were obviously reflected in the military environment. This, in its turn, led to a discipline drop and to an increase of conflicts with the commanders. The authors come to a conclusion that the front-line soldiers' positive perception of the «new authority» and the political transformations, which were carried out by them, were quickly replaced by a negative attitude towards it, and political reforms led to a decline in discipline and to an increase of anti-war attitudes.

Keywords: letters of veterans; Report censors; military censors; Romanian front; February revolution; Provisional Government.

Введение

Первая мировая война оказала огромное влияние на развитие украинской государственности и на историю всего XX в. Вполне естественно, что эта война привлекает внимание не только представителей академической науки, но и политиков, значительной части общественности. После распада СССР анализ особенностей восприятия солдатами Первой мировой войны и окружающей их действительности привлекает все большее количество исследователей, так как позволяет глубже понять сущность общественно-политических процессов, происходивших тогда в Российской империи. В этой связи солдатские письма являются одним из немногих источников, содержащих необходимые для подобного анализа данные. Однако, к сожалению, в украинской исторической науке пока еще не проводились специальные исследования по названной проблеме. В основном работы такого плана представлены трудами российских историков.

Так, Е. Ю. Семенова [1] и В. Л. Агапова [2] рассмотрели влияние писем фронтовиков на мировосприятие горожан, на изменение их отношения к войне, власти и политической ситуации в стране. В то же время Е. С. Сенявской [3] удалось с помощью социологического инструментария по солдатским письмам реконструировать фронтовую повседневность. Это позволяет понять, как фронтовая реальность, совершенно отличная от реальности, представляемой пропагандой, повлияла на мышление солдат, что в конечном счете и способствовало поддержке солдатами революции. Не меньший интерес представляет и статья Э. Е. Абдарашитова [4], в которой автор реконструировал варианты передачи военнопленными скрытой информации в письмах домой. Тем самым исследователь подтвердил, что это эпистолярное наследие имеет весьма содержательный характер и является незаменимым источником при изучении истории военного пле-

на. Наконец, публикация писем штабс-ротмистра Н. А. Томишко, подготовленная Э. М. Сидоровой и И. С. Ратьковским [5], позволяет проследить, как под влиянием событий военного времени меняется человек, его отношение к людям, стране и в целом к самой жизни.

Таким образом, письма фронтовиков – это уникальный источник, позволяющий синхронизировать военные события и реакцию их участников на происходящее. Это дает возможность современному исследователю понять состояние, в котором находились общество и государство в условиях войны, и последствия для них этой войны в ближайшей и долговременной перспективах. Однако, несмотря на наличие ряда работ, написанных на основе этих доподлинных материалов, некоторые аспекты тем фронтовых писем все еще остаются нераскрытыми, а именно: восприятие Февральской революции рядовыми участниками Первой мировой войны и их отношение к совершавшейся смене общественно-политического устройства страны. Анализ этих аспектов и стал целью нашей работы.

Достижение цели исследования возможно при решении следующих задач: во-первых, в рамках избранного временного диапазона исследования (февраль – апрель 1917 г.) выявить основные периоды, которые отражали бы специфику восприятия военными политическими событиями; во-вторых, определить фактическое отношение к ним фронтовиков; в-третьих, дать оценку морально-психологического состояния армии, возникшего в результате политических трансформаций.

Работа выполнена в русле методологии социальной истории и на основе микроисторического подхода, который предполагает изучение частных явлений из жизни отдельных людей прошлого в целях выявления господствующих в обществе представлений и тенденций. Необходимость последовательного раскрытия свойств, функций и изменений исследуемой реальности в ходе исторического развития обусловила наше обращение к историко-генетическому методу, что позволило приблизиться к реконструкции реальной истории объекта исследования. Дан-

ный метод был применен для анализа политических реформ и других событий, произошедших в российской армии, в том числе на Румынском фронте, и в России в марте – апреле 1917 г. С помощью названного метода было обнаружено, как все случившееся было воспринято фронтовиками.

В работе был использован также сравнительно-исторический метод, который помог выявить этапы в восприятии реальности военными путем сравнения и анализа данных, содержащихся в отчетах военно-цензурного отделения штаба Румынского фронта¹. Для подобных отчетов цензоры просматривали и прочитывали сотни тысяч писем, написанных преимущественно солдатами и младшим командирским составом. Отбирались наиболее характерные факты, иллюстрирующие умонастроение фронтовиков по ряду ключевых пунктов: 1) настроение личного состава; 2) отношение армии к внутриполитическим событиям в стране; 3) характеристика офицерского состава; 4) немецкое засилье; 5) пьянство в армии; 6) вооружение и снаряды; 7) довольствие, пища и одежда; 8) госпитали². Первоочередное значение для нас имеют два первых пункта, поэтому анализ остальных будет проводиться выборочно и лишь в том случае, если они дополняют материалы указанных пунктов.

Ценность отчетов как источника заключается прежде всего в их максимально возможной объективности, поскольку они предназначались для информирования высшего командования и должны были сообщать ему факты о реальном положении вещей. В силу этого составители не пытались выдать желаемое за действительное. В этом можно убедиться, синхронизируя материалы отчетов и материалы штаба Румынского фронта³.

Нами были изучены отчеты военных цензоров за февраль – апрель 1917 г. Это позволяет, с одной стороны, не выйти за установленные объемы статьи, с другой – достичь поставленной цели. Таким образом, в поле нашего внимания оказались письма фронтовиков, написанные накануне и непосредственно в ходе революции, а также спустя два месяца после ее окончания.

Канун и начало революции

Отчет за февраль 1917 г. в целом фиксирует спокойное настроение в войсках и уверенность авторов писем в необходимости продолжения войны. Для этих писем характерны следующие фразы: «Пока не победим врага, не вернемся домой», «Много испытаний пережили и переживаем, окончательно научимся бить врага, и победим»⁴. Главным винов-

ником тяжелых бедствий для солдат, вне всякого сомнения, являлся основной противник России – Германия: «...А все из-за этого немца супостата. Ну, даст Бог, кровожадного врага немца разобьем в пух и прах»; «Хотя у немца много железа, но все равно не хватит побить всех русских солдат, а наоборот мы его разобьем»; «Сегодня нам читали приказ, что не

¹Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139.

²Там же.

³Там же. Д. 146 ; Д. 163; Оп. 2. Д. 160.

⁴Там же. Д. 139. Л. 1. (Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением особенностей аутентичных текстов писем, в том числе орфографии и пунктуации их авторов. – В. С., В. Л.)

будет мира пока не разобьем врага и не выгоним его из своей земли. Да мы и сами это понимаем, что этого оставлять так нельзя. Мир может быть тогда, когда не одного немца не будет в России, иначе кровь не за что проливать»⁵. Отголосок имперской пропаганды о «немце как главном виновнике всех бед» нашел отражение в разделе отчета (в последующие месяцы исчезнувшего) о немецком засилье. «Немцы могут быть только тогда побеждены, когда будут уничтожены те немцы, которые живут в России», – данный фрагмент как нельзя лучше иллюстрирует солдатское восприятие нового врага – внутреннего, который был предложен фронтовикам официальной пропагандой в 1915 г.⁶ Нашли отображение в солдатских письмах и тяжелые условия пребывания русских войск в Румынии. Как отмечают цензоры, солдаты часто пишут об «этой проклятой Румынии». В то же время, несмотря на в целом спокойное настроение войск и уверенность в необходимости продолжения войны, первые сомнения в ее целях уже появляются в солдатском сознании. Об этом свидетельствует следующая выписка из письма: «Сегодня настроение очень плохое, а главное скучно. Ведь только и видать – небо да горы, а больше нечего, уже три года терпим, ведь это даже страшно подумать, а теперь, что не день проживешь, то все становится все хуже и хуже и чем кончиться, так я и сам отчета дать не могу»⁷.

Мнение солдат об изменении общественно-политической ситуации в стране отразилось в соответствующем разделе отчета – «Отношение армии к внутривойсковым событиям». Как свидетельствуют записи цензоров, основная солдатская масса еще не осознавала происходившее. Однако ростки солдатского недовольства уже дали свои первые всходы. Письма полны гневных тирад в адрес прежнего правительства, «боявшегося беспорядков и вооружавшего полицию пулеметами, а для снижения растущей с каждым днем дороговизны предметов

первой необходимости и надвигающегося голода никаких мер не предпринимавшего»⁸. Переписка с домашними формировала у солдат представление о положении в стране, которое оставляло желать лучшего (нехватка продуктов и топлива, надвигавшийся голод). Письма были полны волнений за родных, оставленных дома: «...на еду денег не жалеи, а бы сыты были...»; «Все, что ты пишешь про цены и голод, это по всюду». Большинство солдат считали, что продовольствия в России много, но торговцы, пользуясь тяжелым положением, спекулируют предметами первой необходимости, продуктами питания и, таким образом, поднимают цены до невиданных размеров («Одно безобразие, купцы доводят людей до голода, а я из-за них в окопах сижу, а они с моих детей шкуру дерут»)⁹. Начавшаяся революция еще не вполне понималась основной массой фронтовиков, а больше, чем внутривойсковые события, их волновало бедственное положение собственных семей в тылу.

Отчет не фиксирует и каких-либо кардинальных перемен в отношениях между офицерами и солдатами. Анализ раздела «Характеристика офицерского состава» свидетельствует в целом о привычных, спокойных контактах между рядовыми и офицерским составом. Во многих письмах присутствуют восторженные отзывы о заботливости командиров, их сердечности и внимательности: «...очередной отпуск у нас по справедливости сам ротный смотрит, чтобы все по честности»; «...наш ротный командир уже зря не полезет туда, где ни чего не сделаешь, начальство ему по телефону приказывает наступать, а он докладывает свое, за такого и мы, конечно, горой стоим»¹⁰. Однако, несмотря на такую радужную картину тесной спайки личного состава, в письмах встречается и другое наблюдение: «У нас недостаток топлива и продуктов, а офицеры только пьют и гуляют с такими барышнями, что стыд берет»¹¹.

Первое влияние революции

Сводка за март 1917 г. представляет нам совершенно другую (по сравнению с февралем) картину: подъем настроения, рост патриотизма, веры в правоту своего дела, т. е. произошедшая революция позитивно сказалась на эмоциях солдат. В письмах видна уверенность в скорой победе над врагом: «Да здравствует новое правительство, остановим теперь врага, я твердо уверен, что он скоро будет разбит»; «О мире ни кто и не думает, все желаем теперь во-

евать до победного конца»¹². Это состояние фронтовиков, наряду с осознанием установления новой власти, отразилось в описании ими чувств, пережитых после получения известия об отречении Николая II: «Сейчас нам не жаль помереть за родину, раньше мы не знали за что страдаем, а теперь стали все равные»; «Сегодня нам официально прочитали манифест, но как-то не верится – это что-то чудовищное и вместе с тем и радостное, везде кричат ура»¹³.

⁵РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 2.

⁶Там же. Л. 3.

⁷Там же. Л. 4.

⁸Там же. Л. 5.

⁹Там же. Л. 6.

¹⁰Там же. Л. 7.

¹¹Там же.

¹²Там же. Л. 12.

¹³Там же.

О всеобщей эйфории и надежде на новую лучшую жизнь свидетельствуют выдержки из мартовских писем (раздел отчета «Отношение армии к внутри-политическим событиям в стране»). В них, в отличие от февральских, практически нет пессимизма и тревоги за родных. Напротив, несмотря на сохранявшееся тяжелое положение с топливом и продовольствием, фронтовики хвалят новую власть и ожидают быстрого улучшения ситуации. Такими же надеждами пронизаны письма из раздела «Вооружение и снаряды»: «Узнали, что старые министры свергнуты. Теперь недостатка в снарядах не будет. Хотя их и сейчас хватает, но будет еще лучше»¹⁴.

Однако в разделе «Характеристика офицерского состава» уже заметен ряд драматических изменений, вызванных политическими реформами, внедряемыми в армейскую среду новой властью.

Первые солдатские комитеты повсеместно начали возникать уже через несколько дней после обнародования 2 марта 1917 г. знаменитого приказа № 1 Исполкома Петросовета. Попытка Исполкома Петросовета остановить стихийное создание комитетов в российской армии приказами № 2 и 3 не увенчалась успехом. Единственное, чего удалось добиться, так это остановить начавшиеся в рядах частей самочинные выборы офицеров [6, с. 9–10]. Не имея возможности бороться с этим явлением, российское командование решило направить создание комитетов в организованное русло, т. е. попытаться его контролировать.

Приказом Верховного командующего от 30 марта 1917 г. было введено Временное положение об организации чинов действующей армии и флота, которое устанавливало обязательное создание комитетов во всех воинских подразделениях русской армии (от роты до Ставки) и закрепляло за офицерами треть мест в солдатских комитетах всех уровней [6, с. 10]. Временное положение ограничивало сферу деятельности солдатских комитетов решением хозяйственно-бытовых вопросов и культурно-просветительской работы. На деле военные комитеты с самого начала революции активно политизирова-

лись и впоследствии все больше вмешивались в вопросы управления армейской жизнью и внутренней политики. Это создавало почву для конфликтов солдатских комитетов с тем офицерским составом, который негативно воспринял приход новой власти и ее социально-политические преобразования.

Одно из писем содержит описание подобного конфликта: «Поздравляю вас с новым правительством и свободой, и конечно это многим офицерам не нравится, но делать нечего. У нас командир 2-й сотни, повздорив с членом комитета сотни, выхватил шашку и зарубил его. Казаки, названной сотни, зарубили убийцу, обоих их и похоронили на румынском кладбище 19 марта»¹⁵. Часть монархически настроенного офицерства, не разделяя идей новой власти и не имея возможности как-то повлиять на политические события, ударилась в пьянство: «Много офицеров и, в особенности молодых, с горя пьют»¹⁶. Однако, несмотря на отдельные эксцессы, в документах пока еще не зафиксировано значительных противоречий в умонастроении и офицеров, и солдат. Негативные реакции на новые политические реформы оцениваются лишь «как желание отдельных личностей видеть в офицерах приверженцев старого строя, а также неприятие некоторыми офицерами нового порядка»¹⁷.

В целом на основе анализа писем военнотружущих цензоры приходили к выводу, что «большинство солдат отзывается вполне хорошо и с доверием к офицерам, которые несут вместе с ними в первой линии (на передовой. – В. С., В. Л.) все те же лишения»¹⁸. При этом в письмах фронтовиков отмечается начало складывающихся неформальных отношений в офицерско-солдатской среде: «Офицеры у нас ничего. Даже лучше стали относиться после всех этих перемен. Мы с ними как-то ближе стали»¹⁹; «Воскресных занятий в командах (учебная рота при полку. – В. С., В. Л.) нет. Решил заняться с солдатами грамматикой, как сияли их лица...»; «Расскажу еще один случай. Приходит ко мне рядовой и приносит полсотни папирос и говорит: “Мы слышали у вас нету, так извольте”»²⁰.

Становление новой политической действительности

Сводка за апрель 1917 г. предоставляет нам возможность ознакомиться с солдатским восприятием действительности в период некоторого эмоционального отрезвления, когда первоначальный накал революционных страстей спал. Прежде всего цензоры фиксировали, что «наблюдаемое ранее

желание победить врага и со славой вернуться на родину, значительно понизилось»²¹. И, хотя в большинстве писем все еще говорится о «сознательном понимании солдатами долга перед родиной», цензоры отмечают, что антивоенные настроения стали заметно проявляться в армейской среде. Это, в свою

¹⁴РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 13.

¹⁵Там же. Л. 20.

¹⁶Там же. Л. 21.

¹⁷Там же. Л. 24.

¹⁸Там же. Л. 21.

¹⁹Там же.

²⁰Там же. Л. 22.

²¹Там же. Л. 30.

очередь, вело к падению дисциплины и увеличению количества конфликтов с командным составом, причины которых, по мнению цензоров, заключались в активизации политической жизни, к чему офицерский состав оказался совершенно не готов. Ситуация усугублялась еще и тем, что в апреле, помимо формирования комитетов, военнослужащие оказались вовлечены и в формирование Советов.

Дело в том, что в ходе состоявшегося 29 марта – 3 апреля 1917 г. Всероссийского совещания Советов было решено выработать единые для всей страны нормы и правила, на основе которых осуществлялось бы функционирование Советов и определялся бы круг их полномочий. В числе прочего было решено поделить страну на отдельные районы. Румынский фронт вошел во 2-й Южный район, формирование системы которого должно было быть установлено в ходе созываемого на начало мая 1917 г. съезда депутатов [7, с. 33–34]. От каждого полка (3 тыс. человек) следовало выбрать по 2 делегата. Из частей численностью до 400 человек присылали по одному депутату. Всего от Румынского фронта предполагалось представить до 400 депутатов. Штаб фронта определил соотношение солдат к офицерам как 1 : 4²². Подготовку проведения выборов комитеты взяли на себя. Этот процесс породил череду новых конфликтов, трений и эксцессов между солдатами и офицерами.

Негативное воздействие на политико-моральное состояние войск оказал и разразившейся в апреле 1917 г. политический кризис, связанный с желанием Временного правительства придерживаться прежних внешнеполитических договоренностей со странами Антанты (в том числе и о разделе вражеских территорий после окончания войны) [8, с. 109]. Петросовет осудил подобные планы Временного правительства, но сам Совет выступал за продолжение войны, объясняя свою позицию тем, что лишь победа в войне является гарантией мира.

Зная о растущих антивоенных настроениях в российском обществе, Петросовет решил использовать ноту главы МИДа П. И. Милюкова «...о выполнении Россией союзных обязательств» как повод для укрепления своих позиций во властной пирамиде [9, с. 169]. По столице прокатилась волна митингов с требованием немедленного заключения мира. Ситуация грозила перерасти в новую революцию. Однако Петросовету и Временному правительству все же удалось прийти к соглашению. Компромиссом стало формирование нового правительства, в состав которого были включены пять членов социалистических партий. Однако выдвинутый в ходе этой политической борьбы лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» имел далеко идущие послед-

ствия, выходящее за рамки внутривнутриполитического конфликта.

На примере апрельского кризиса материалы военной цензуры позволяют проследить влияние общественно-политических процессов на армейскую среду и определить реальное отношение солдат к происходящему. «Объявление правительством лозунга “без аннексий и контрибуций” войсками были поняты своеобразно, – отмечали военные цензоры – Они (солдаты. – В. С., В. Л.) решили, что война должна быть только оборонительной и никакие наступления не должны вестись»²³. Чем обобщалась такая позиция военнослужащих, видно из следующей цитаты: «В ночь со 2 на 3 апреля солдаты по приказанию ротного командира должны были идти на ночные занятия по преодолению проволочных заграждений. Они отказались, мотивируя это тем, что наступать они не станут, а значить и обучение им не нужно... Когда ротный, требуя выполнить приказ стал угрожать им оружием, они убили его»²⁴.

Материалы, исходящие в те же дни из штаба Румынского фронта, позволяют нам еще четче уяснить восприятие событий и их интерпретацию рядовым составом армии. Во 2-й стрелковой дивизии на середину апреля были намечены земляные работы для подготовки к наступлению. Однако роты 6-го и 7-го стрелковых полков отказались работать, мотивируя это объявленным Временным правительством решением «вести исключительно оборонительную войну». Более того, солдаты 7-го стрелкового полка заявили, что «обороняться они будут до последней капли крови, а наступать не будут»²⁵. Это решение было принято после того, как члены комитета полка обследовали место предстоящих работ и пришли к выводу, что они предназначались для наступления.

Другой формой выражения антивоенных настроений в это время стал отказ частей, находящихся на отдыхе, сменять передовые части. Примером может служить решение комитета 3-й Кавказской дивизии отказаться сменить 3-ю стрелковую дивизию на передовой позиции. Для мирного решения ситуации командование было вынуждено созвать общее собрание всех комитетов корпуса. В ходе долгих переговоров нашли компромиссное решение: 3-ю Кавказскую дивизию сменить 1-й стрелковой дивизией, представители которой заявляли, что солдаты дивизии готовы произвести смену. Однако после соответствующего распоряжения штаба корпуса приказ выполнили лишь 5-я и 6-я роты 2-го стрелкового полка. Остальные части дивизии отказались выполнять приказ. Рапорт командира 1-й стрелковой дивизии содержит краткое изложение основных причин отказа: 1) в ротах мало людей; 2) позиция 3-й стрелковой

²²РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 163. Л. 10–11.

²³Там же. 33.

²⁴Там же. Л. 34.

²⁵Там же. Л. 35.

дивизии плохо подготовлена; 3) становиться в окопы по очереди должны были полки, которые в то время находились глубоко в тылу; 4) солдатам непонятна перетасовка дивизий²⁶. На примере данного происшествия прекрасно видно, что, во-первых, мнение комитетов не всегда совпадало с точкой зрения тех, кого они представляли; во-вторых, в это время настроения солдатских масс были весьма переменчивы; в-третьих, стремление фронтовиков к справедливости вылилось в конечном итоге в открытый протест против «несправедливой войны». Выдержки из писем служат отражением этих настроений: «Делов мало. Занимаемся только до часу дня, а там кто куда, и все так надоело, скорее бы избавиться от всего этого. Может скоро будет мир»²⁷.

Хотя случаи неподчинения приказам в апреле еще не носили массового характера, общий упадок настроения солдатской массы был налицо. Командование и ряд комитетов предлагали бороться с антивоенными выступлениями и падением дисциплины путем агитационно-просветительской работы. В частности, руководство 40-го армейского корпуса просило прислать в свое распоряжение «опытных лекторов из состава Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов с тем, чтобы они провели беседу и убедили солдат продолжать войну, и продолжать ее в активном духе»²⁸. Насколько это было малоэффективно, ясно по следующей выдержке из солдатского письма: «Вчера были на митинге. Говорили "Война до победного конца", а солдаты шушукались: "Зачем нам воевать, земли не прибавлять, а оставшийся народ с голоду подохнет, если продолжиться война..." Шушуканье нашло себе благодарную почву, а речи так и остались умными, красивыми, одиночками»²⁹. Несмотря на сложившуюся ситуацию, цензоры Румынского фронта все же полагали, что «соответствующая разъяснительная работа принесет свои плоды и люди поймут, что закрепление свободы возможно только после победы над Германией»³⁰.

Часть офицерства оценивала перспективы поднятия морального духа революционной армии более пессимистично. «Россия должна знать, что все заявления, исходящие от частей войск в газетах и трактующиеся как их горячее и непреклонное желание выполнить свой долг до конца, исходят лишь от небольшого количества сознательных солдат», – говорилось в резолюции собрания офицеров 1-го Сибирского полка. «В начале это оставалось незамеченным, многие верили, а многие просто жела-

ли верить, но время показало, что у большинства чувство долга и совести либо отсутствует напрочь, либо спит и они не желают его будить»³¹. То, что такая оценка настроений более соответствовала истине, станет очевидно уже в следующем месяце, когда по российским армиям Восточного фронта прокатится волна вооруженных бунтов.

Наконец, хотелось бы остановиться на изменившемся по прошествии двух месяцев после начала революции отношении фронтовиков к новой власти. Отчет фиксирует значительное разочарование фронтовиков во Временном правительстве, взявшем, по их мнению, курс не на скорейшее прекращение войны, а на «ее продолжение под непонятными простым солдатам лозунгами»³². Как свидетельствуют приведенные выдержки из писем, правительство в это время не было объектом ненависти – его лишь остро критиковали. Главным же виновником всех бед, по мнению солдат, все еще оставалась династия Романовых, ответственная, как они считали, за развязывание мировой бойни.

Что же касается отношения фронтовиков к Петросовету как другой части властной структуры, то и его деятельность не получила их полной поддержки и одобрения. Признавая необходимость контроля последнего над Временным правительством, военнослужащие были недовольны тем, что Совет фактически брал на себя государственные функции, хотя, по сути, «не являлся представителем всего русского народа, а лишь кучки рабочих и солдат Петербургского гарнизона»³³. Такая оценка во многом объяснялась тем, что Петросовет того периода уделял много внимания рабочему вопросу, желая приобрести политический капитал и упрочить свое положение среди пролетарской массы. С этой целью на заседаниях обсуждались вопросы введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы в связи с дальнейшим ростом инфляции. Когда известия об этом достигли фронта, солдаты восприняли такую заботу о рабочих как чрезмерную. Один из фронтовиков с нескрываемым негодованием писал: «Как это рабочие в такой час будут работать по 8 часов, когда мы на фронте работаем круглые сутки»³⁴.

Проанализировав появившиеся в армейской среде тенденции (антивоенные настроения, упадок дисциплины, рост недоверия к власти), цензоры приходили к выводу, что солдатские массы воевать не хотят, а «желание скорого конца войны является убеждением большинства»³⁵.

²⁶РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 48.

²⁷Там же. Д. 139. Л. 38.

²⁸Там же. Д. 146. Л. 39.

²⁹Там же. Д. 139. Л. 37.

³⁰Там же. Л. 38.

³¹Там же. Д. 160. Л. 52.

³²Там же. Д. 139. Л. 39.

³³Там же. Л. 40.

³⁴Там же. Л. 41.

³⁵Там же. Л. 43.

Выводы

1. В результате проведенного исследования выделены следующие периоды, характеризующие особенности восприятия военными Румынского фронта актуальных политических процессов: а) февраль 1917 г., когда политические события в стране и последующая революция еще не осознавались солдатской массой; б) март 1917 г. – этап позитивного восприятия произошедших общественно-политических изменений; в) апрель 1917 г.: наблюдалось определенное эмоциональное затухание, когда политические изменения перестали восприниматься только в положительном ключе, а политические процессы начали поддаваться критическому осмыслению.

2. Отношение военнопленных Румынского фронта к политическим событиям менялось в зависимости от ожидаемых ими результатов работы новой власти и от степени вовлеченности их самих в животрепещущие политические процессы. В феврале 1917 г. отстраненность солдат от политической жизни в силу их слабой информированности о сути происходящего стала причиной по большей части пассивного отношения фронтовиков к действи-

тельности. Вовлечение военнослужащих в марте в политическую жизнь страны, ожидание быстрых благоприятных преобразований во внешней и внутренней политике государства вылились в поддержку фронтовиками Временного правительства и проводимых им реформ. Однако уже в апреле отсутствие положительных изменений как во внешней политике, так и во внутренней ситуации послужило причиной разочарования фронтовиков в новой власти, что, в свою очередь, привело к конфликтам с ее представителями и военным командованием.

3. Положительное влияние Февральской революции в течение первого месяца после ее начала на общее состояние армии имело краткосрочный характер и было обусловлено революционной эйфорией, ожиданием военными быстрых положительных результатов во внутренней и внешней политике государства. Уже в апреле 1917 г. активная политизация армейской жизни, наряду с разочарованием армейских масс в результатах действий новой власти, стала причиной снижения уровня морально-психологического состояния армии и роста антивоенных настроений.

Библиографические ссылки

1. Семенова ЕЮ. Влияние рассказов и писем фронтовиков на мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны. *Вестник Военного университета*. 2010;1:103–108.
2. Агапов ВЛ. Солдатские письма с фронта мировой войны в дальневосточных газетах 1914–1915 гг. *Россия и АТР*. 2015;4:169–181.
3. Сенявская ЕС. Окопный быт Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности. *Историческая психология и социология истории*. 2014;1:192–218.
4. Абдрашитов ЭЕ. Письма военнопленных первой мировой войны как канал передачи информации. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012;3:29–35.
5. Сидорова ЭМ, Ратьковский ИС. Военные письма 1914–1915 гг. штабс-ротмистра Н. А. Томишко. *Новейшая история России*. 2015;2:209–231.
6. Базанов СН. *Великая война: как погибала русская армия*. Москва: Вече; 2014. 384 с.
7. Дыков ИГ. Румчездор и борьба за установление Советской власти на Румынском фронте. *Исторические записки*. 1956;57:3–34.
8. Федоров МВ. «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» о выходе России из империалистической войны в марте – апреле 1917 года. *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета*. 2013;14:103–115.
9. Смирнова АА. Петроградский Совет и проблема вхождения социалистов во Временное правительство в апреле – мае 1917 г. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2011;2:162–174.

References

1. Semenova EY. The front-line soldiers' stories and letters influence on Volga region urban population ideology during World War I. *Vestnik Voennoy universiteta*. 2010;1:103–108. Russian.
2. Agapov VL. Soldiers' letters from the war front in the Far Eastern newspapers of 1914–1915. *Rossiya i ATR*. 2015;4:169–181. Russian.
3. Senyavskaya YS. The First World War trench life: essay on the frontline everyday life. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2014;1:192–218. Russian.
4. Abdrashitov EY. Letters of the First World War prisoners as the channel of information transfer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2012;3:29–35. Russian.
5. Sidorova EM, Rat'kovskiy IS. The staff captain N. Tomishko military letters of 1914–1915. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2015;2:209–231. Russian.

6. Bazanov SN. *Velikaya voyna: kak pogibala russkaya armiya* [The Great War: how the Russian army perished]. Moscow: Veche; 2014. 384 p. Russian.
7. Dykov IG. Central Executive Committee of the Romanian Front, Black sea fleet and Odessa Soviets and the struggle for the Soviet power on the Romanian front establishment. *Istoricheskiye zapiski*. 1956;57:3–34. Russian.
8. Fyodorov MV. «News of Petrograd Council of Workers and Soldiers' Deputies» about Russia's exit from the imperialist war in March – April 1917. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;14: 103–115. Russian.
9. Smirnova AA. The Petrograd Soviet and the problem of socialists entering Provisional Government in April – May 1917. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2011;2:162–174. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2019.
Received by editorial board 29.01.2019.